

- *К вопросу о выборе методов постижения тайны смыслотворчества Н. Бердяева*
- *Коммуникативное взаимоотношение в философии культуры В. Беньямина*
- *Культурно-исторический опыт евразийства в контексте современных цивилизационных процессов*

УДК 091

К вопросу о выборе методов постижения тайны смыслотворчества Н. Бердяева

С. А. Титаренко, доктор философских наук, профессор*

Н. В. Чекер, магистр

В статье рассмотрены основные методологические принципы, позволяющие адекватно реконструировать проблематику творчества в философском наследии Н. А. Бердяева. Проанализированы психологическая, смысловая и идейно-мировоззренческая основы смыслотворчества философа.

The Question of Methods for Understanding of N. Berdyaev's Concept of Creativity

S. A. Titarenko, PhD., Professor

N. V. Cheker, Graduate

The article deals with the fundamental methodological principles to adequately reconstruct the problematics of creativity in philosophical heritage of N. A. Berdyaev. The authors give the analysis of psychological, cogitative and conceptual basis of Berdyaev's thinking.

Раскрытие методологических принципов, позволяющих адекватно эксплицировать и анализировать философское наследие Н. А. Бердяева в сфере проблемы творчества как центральной проблемы его философского наследия, актуально как вследствие особой смысловой акцентированности самой тематики творчества в религиозно-антропологической концепции мыслителя, так и в связи с недостаточной проработанностью методологических основ исследовательской работы с многообразным и противоречивым текстуальным массивом по этой теме, имеющимся в бердяеведческой литературе.

В данной работе нами поставлена цель — вычленив основные методологические принципы реконструирования проблематики творчества в философском наследии Н. А. Бердяева. Из этого вытекают следующие задачи:

1) выявить психологическую основу творческих поисков мыслителя;

2) раскрыть смысловую основу его мышления, фундирующую уникальность концептуальных творческих подходов;

3) установить идейно-мировоззренческую направленность понимания Н. А. Бердяевым тематики творчества.

Разработке методологии истолкования творческой проблематики в философии Н. А. Бердяева уделяют внимание такие исследователи как П. Мердок, В. А. Кувакин, Ф. Нуко и др. [(Отдельные аспекты методологии представлены в наших работах: [6–12]). Так, немецкий теолог Пауль Мердок характеризует поле текстуальности Бердяева как символическое, выделяя в нем в качестве центрального символа человека как образ Божий [14]. В. А. Кувакин рассматривает философское наследие Бердяева в целом как основанное на тоталитарной религиозности мыслителя. Полагая, что бердяевскую тему творчества лучше понять «как ряд требований, предъявляемых к субъекту, требований, выполнение которых делает личность „экзистен-

* Титаренко С. А., профессор кафедры философии Луганского национального аграрного университета; Чекер Н. В., ассистент кафедры политологии и социологии Луганского национального аграрного университета.

циальной“, непосредственной носительницей „преображенного“ мира, подлинным воплощением духа, свободы и реальности» [4, с. 160]. Американский исследователь Фуад Нуко в творчестве (как оно представлено в философии Бердяева) видит лишь ключ к решению парадокса свободы и необходимости, указывая, что само решение находится в духовности [15]. В большинстве случаев исследовательские работы не дают комплексного методологического подхода. Базовые интуиции носят фрагментарный характер, высвечивая лишь отдельные аспекты в концепции творчества Бердяева. Это задает необходимость дальнейшей, более целостной проработки данной тематики. Попытка построения системной методологии анализа концепции творчества в философском наследии Бердяева предпринята нами в данной статье.

Что бросается в глаза при рассмотрении проблематики творчества в философии Бердяева? Прежде всего, экзистенциальность как сверхзначимость личностного опыта и попытки осмысления своих жизненных ощущений и мистических переживаний. Это вовсе не означает, что Бердяев замыкается на индивидуальном, внутреннем. Скорее, он пытается осознать свои внутренние переживания как, с одной стороны, творчески уникальные, а с другой — личностно-соборные интуиции. Отсюда неизбежное обращение мыслителя к мистико-религиозной традиции. Почему возникает такая экзистенциально-личностная центрированность философа? На наш взгляд, это связано с повышенной интенсивностью эмоциональной сферы личности Бердяева, что приводило к коллизиям восприятия и конфликтным отношениям с миром внешним.

Бердяев унаследовал эмоциональную неуравновешенность своих предков по отцовской линии, что было чревато возможностью перерастания в патологию. Это приводило его к крайней возбудимости, невозможности контролировать свои эмоции. Поэтому он стремился избегать факторов, воздействующих на его эмоциональность, а саму жизнь организовать как борьбу со своим эмоциональным началом. О результатах этой борьбы он откровенно писал, что в нем «задавлена лирическая стихия», а пейзаж своей души он представлял в виде «безводной пустыни со скалами». Орудием борьбы с эмоциональной стихией выступал поиск смысла, реализуемый философией. По сути дела, Бердяев сублимировал свою бурную эмоциональность в философское творчество и там пытался ее подавить. В начале его философской деятельности это проявляется как попытка перевода эмоционального в рациональное. Такая рационализация совершенно аналогична усилиям Канта, увлечение

взглядами которого Бердяев переживает в юности. Не случайно, что и сам Кант «был человеком абсолютной живости и восприимчивости, невероятной впечатлительности» и обладал очень редким эстетическим воображением, что сопровождалось, как и у Бердяева, резким ощущением несовершенства и грубости окружающей реальности [5, с. 127]. Но если для Канта важно именно сдерживание эмоциональности, то Бердяев, во-первых, переживая эпоху кризиса классической рациональности и находясь в поле притяжения русской православной духовности, а во-вторых, обладая экстравертированным, холерическим темпераментом, не способен надолго задержаться в рамках подобного сдерживания. Он пытается отыскать средства, которые позволили бы выразить нестандартный эмоциональный опыт и в то же время духовно преобразить самого себя. В «Самопознании» Бердяев признается: «Писание для меня духовная гигиена, медитация и концентрация, способ жить» [1, с. 221].

Также небезынтересно будет обратить внимание на некоторое своеобразие восприятия у Бердяева, что, с одной стороны, обостряло его чувство несходства с другими, с другой — фундировало мучительный поиск адекватных средств выражения своего «другого» опыта восприятия — другого по отношению к словесно-понятийной и художественно-музыкальной организации мировосприятия. Философ проявил опыт жизни своей личности как опыт поиска неких новых форм мысли, хотя не всегда выдерживал необходимой высоты уровень этих форм, впадал в классическое рационализаторство. Именно мистический опыт и приводил к созданию особых форм мысли, сочетающих в себе элементы образности и понятийности, позволявших схватить энергетическую полноту. Их мы называли протоформами мысли. Протоформичность мысли характерна для пред- и пострациональности. Согласно мнению автора теории протоформ Д. А. Жданова, одним из важнейших свойств протоформы является то, что в ней одно мыслимое содержание включает в целостности субъект, предикат и их взаимоотношения [2, с. 109]. То есть протоформа хранит в себе некую диалогическую динамичность.

На наш взгляд, протоформичность мышления Бердяева обусловлена не только эмоционально-ценностным отношением к действительности, но и преобладанием иных (не визуальной и не аудиальной) модальностей этого отношения. Например для Бердяева характерна особая, болезненная чувствительность к запахам, в то время как для большинства людей эта сенсорная модальность имеет абсолютно второстепенное значение. Анализируя часто повторявшиеся кошмарные сновидения Бердяева, основным содержанием которых было чув-

ство удушья и провалы в бездну, можно предположить, что интерорецептивные, проприорецептивные, контактные экстерорецептивные ощущения осознавались им как базовые составляющие опыта. Поэтому визуально-образное и словесное описание этого опыта переживалось как недостаточное, символическое. При этом такая символичность ценна для Бердяева (как и для православной мистики, неортодоксальной мистики Беме и Экхардта) своей энергичностью, т. е. внутренней «заряженностью» и способностью суггестивно транслировать внутренний опыт.

В «Самопознании» философ признается: «Я лишен изобразительного художественного дара. В моей выразительности есть бедность, бедность словесная и бедность образов» [1, с. 32]. Это признание можно истолковать и как повышенную самокритичность, и как отрицание словесно-визуальных форм в качестве базовых своем смыслотворчестве. Это не означает отрицания значимости (порой эмоционально-катастрофической) визуального опыта как такового. Сам Бердяев говорит о себе: «У меня была необыкновенная острота зрения, один окулист сказал мне, что оно вдвое сильнее нормального. Входя в гостиную, я видел всех и все, малейший дефект бросался мне в глаза. Я всегда считал это несчастным свойством» [1, с. 32]. Тем не менее зрительный опыт не выступает в качестве базового, творческого.

Здесь можно обратить внимание на некоторое сходство с отправными точками в рассуждениях З. Фрейда. Ведь, по сути дела, З. Фрейд рассматривает как основную и бессознательно доминирующую контактную и интерорецептивную чувствительность, а все иначе, в других формах выраженное и сотворенное человеком — лишь как надстройку над неизменным базисом, являющуюся в то же время его своеобразным шифром. Но если для Фрейда бессознательные формы чувственности (особенно болезненные и социально неприемлемые варианты) непосредственно порождают творческую активность, то для Бердяева они лишь задают векторность своего преобразования. Вследствие частых болезненных переживаний и гипертрофированной эмоциональности Бердяев с особой остротой чувствовал проявление недистантного сенсорного опыта и необходимость его регуляции.

Но отличие недистантных модальностей опыта в том и заключается, что они переживаются в большей мере как иницируемые изнутри, «активные» постижения. «Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шел от меня, когда я был в активном и творческом состоянии, и я не мог обнаружить способностей, когда нужно было пассивное усвоение и запоминание,

когда процесс шел извне ко мне» [1, с. 24]. Это одна из причин того, что творчество утверждается Бердяевым с позиций крайнего духовного активизма как усилие, направленное не на стяжание благодати, а на пробуждение внутреннего источника вдохновения и мужества, необходимого для преобразования мира. Причем усилие, скорее, бессознательное или полусознательное, усилие в восточном, а не западном смысле — как своеобразная духовная установка. Это нечто сродни непрерывной Иисусовой молитве, которая, в отличие от многих мистических практик, полностью исключает любую как образную визуализацию, так и эмоционально-чувственную экзальтацию. Бердяев неоднократно указывает на то, что творческая активность имеет сущностно духовный, а не душевно-эмоциональный характер. В этом он резко расходится с модными в начале XX в. романтическими увлечениями спиритуализмом, католической мистикой и галлюциногенными практиками.

Связь Бердяева с романтической традицией в целом достаточно сложна и неоднозначна. Сам философ различал узкое и широкое значение термина «романтизм». Под узким значением он подразумевал исторически-конкретное течение романтизма, и в отношении него был направлен весь огонь его критики, а под широким — мировоззренческое осознание невозможности подлинной самореализации человека в окружающем мире и устремленность к трансцендентному. В «Самопознании» Бердяев пишет: «Я готов себя сознать романтиком вот по каким чертам: примат субъекта над объектом, противление детерминизму конечного и устремление к бесконечному, неверие в достижение совершенства в конечном, интуиция против дискурсии, антиинтеллектуализм и понимание познания как акта целостного духа, экзальтация творчества в человеческой жизни, вражда к нормативизму и законничеству, противоположение личного, индивидуального власти общего» [1, с. 107]. Однако Бердяев осознает, что это совершенно нетрадиционное определение романтизма. Он заявляет, что его романтизм есть «романтизм свободы», который солидарен с традиционным романтизмом в «отрицательной борьбе за освобождение индивидуальности от гнета законности» [1, с. 107]. Но свои положительные цели освобождения он формулирует иначе, поскольку романтики, по его мнению, не поняли подлинных принципов личности и свободы. Принципы личности и свободы есть принципы духа. Поэтому их достижение, по Бердяеву, возможно лишь в трансцендировании, чего традиционный романтизм реализовать не смог.

В творчестве, согласно Бердяеву, происходит отказ не только от мира, но и от себя как пребываю-

щего в мире существа во имя реализации творческой задачи, которая проявляет трансцендентального, внутреннего человека. Поэтому философ неоднократно пишет, что всю жизнь он боролся против многого чуждого в себе, против своих мировых оболочек и своей зависимости от мира. Творчество он расценивал как абсолютную жертвенность собой. Данную жертву Бердяев считал равноценной аскетической жертвенности и поэтому полагал, что момент аскетизма, а значит, и опыт смирения перед высшим входит в творческий процесс. Отсюда и заключение, что в творческом экстазе сгорает демонизм и зло творца. Однако если в классическом аскетизме жертвенностью делание себя заканчивается, дальше приходит помощь свыше, то у Бердяева все идет дальше от самого человека. Несмотря на чувство реального дисбаланса между переживанием собственной и мировой ущербности и несовершенства и ощущением взлета к совершенству, этот взлет воспринимается преимущественно как собственное состояние, не причиненное ничем извне и свыше. При этом, отождествив источники помощи свыше с ликами Творца и Христа, Бердяев отождествляет сам этот подъем с Духом.

На наш взгляд, именно протоформичность мышления выступает для Бердяева в роли регулятора организации внутреннего опыта, контрформатного рационально-понятийному сдерживанию. В чем заключается эта контрформатность? Прежде всего в том, что рационально-понятийная организация опыта предполагает жесткую систему линейных связей между его элементами, поэтому с ее помощью можно выразить отдельные результирующие состояния, моментальные снимки экзистенции. Бердяев же пытается достичь выражения самой процессуальности опыта. Поэтому ему как бы не хватает слов. Их продуцирование связано с огромными эмоциональными затратами. Иногда это прослеживается как напряженное преодоление различия между внутренней перенаполненностью смысловыми интуициями и слабыми инструментальными возможностями словесно-дискурсивной выразительности. Если процесс творчества мысли проходит у Бердяева как бы сам собой, автоматически, то творение слова вызывает особые муки автора. В записной книжке о себе он откровенно признается: «Как найти силу выразить в словах напряженное экстатическое чувство своего Я?» [3, с. 267]. Может, как «небрежное» отношение к выразительности как таковой? В «Самопознании» Бердяев пишет: «Когда я начинаю писать, я иногда чувствую настолько сильный подъем, что у меня кружится голова. Мысль моя протекает с такой быстротой, что я еле успеваю

записывать. Я не кончаю слов, чтобы угнаться за своей мыслью. Я никогда не обдумываю формы, она сама собой выливается, моя мысль даже изначально связана с внутренним словом. Я почти никогда не исправляю и не обдумываю написанного, могу печатать в таком виде, как первоначально написано. Поэтому в моей манере писать есть небрежность. Я делаю лишь небольшие вставки и иногда этим нарушаю последовательность мысли. Манера писать у меня, как я говорил уже, афористическая, хотя эта естественно свойственная мне форма недостаточно выработанная и последовательная. Афоризм для меня есть микрокосм мысли, в нем в сжатом виде присутствует вся моя философия, для которой нет ничего отдельного и частного. Это философия конкретно-целостная» [1, с. 221]. И в том и в другом случае автором фиксируется важность внутренних процессуальных характеристик своего смыслотворчества. Иначе говоря, наличествуют попытки собирания смысловой процессуальности в афористические блоки, ритмическая повторяемость высказываний.

Не случайно исследователь философии Бердяева В. А. Кувакин сближает особенности текстуальности мыслителя с литературой потока сознания, отмечая высокий темп, интуитивность, афористичность, своеобразную неупорядоченность изложения. «Поток предложений, то ли связанных, то ли не связанных между собой, нарастает. Возникает своего рода вихревое движение», тавтологии создают впечатление «чего-то раскручивающегося» [4, с. 178]. В текстах Н. Бердяева «разыгрывается настоящая словесная буря. Суждения, выводы, интуиции, афоризмы, аналогии и параллели, метафоры и намеки размывают всякие четкие границы объектов, о которых идет речь. По форме это чаще всего краткие предложения, в которых одна и та же мысль может повторяться снова и снова через несколько таких же повторяющихся или похожих предложений. Создается впечатление нерасчлененности, „синтетичности” целых абзацев, а порою и книг Бердяева» [4, с. 176–177].

Протоформическое мышление по сути своей нелинейно, поэтому выступает в качестве прямой опоры бердяевской текстуальности. Иначе говоря, установка на осмысление внутренних духовных процессов и выражение их творческой энергичности приводит к тому, что Бердяев осознанно пытается передать само их экстатическое порождение.

Любое творчество пред-протоформично в так называемом «инкубационном» периоде и собственно протоформично на этапе «озарения», но затем, в процессе внешнего «доствраивания», как правило, теряет непосредственную связь со своей протоформической праосновой, что обусловлено

осознанными или неосознанными «объективистскими» интенциями автора.

Сравнивая протоформу с общим представлением как единицей наглядно-образного мышления, Д. А. Жданов видит ее значительно более емкой гносеологически, более лишенной чувственности и актуальности. Если в общем представлении дан единый, целостный образ, где наглядно даны в слитной, нерасчлененной форме чувственно воспринимаемые признаки предмета, то в протоформе уже осуществлен процесс идеального преобразования реального, целостный познавательный образ содержит элементы развивающегося различения. Философ подчеркивает, что определенные признаки вещей выходят в протоформе на первый план, и хотя они еще не отвлекаются от целостного образа, но внутри него уже отличаются от других признаков. Благодаря этому как бы преформируется целостный чувственный образ, его содержание утрачивает обусловленную восприятием пространственную и временную конкретность. Однако благодаря этому протоформа не переходит в понятие, различение есть всего лишь акцентуализация при сохранности всего исходного состава образа, здесь еще нет отвлечения лишь некоторых, наиболее существенных черт вещей, мыслимых как таковые. Иначе говоря, протоформа есть нечто среднее между образом и понятием. Это уже не образ, не картинка и не абстрактная структура. Протоформа дифференцирует, различает и в то же время синтезирует, ценностно объединяет субъект, предикат и их взаимоотношения, имеет эмоционально-энергетическую заряженность, т. е. это своего рода смыслоформа. Она динамична, т. е. порождает. Это нечто подобное тому, что А. Ф. Лосев замечает в эйдосах-идеях Платона, говоря о них как о смыслопорождающих моделях. Но собственно моделями смыслоформы становятся в случае их помещения вовне. В рамках платонической традиции движется, например, и К. Г. Юнг, формируя свои представления об архетипах коллективного бессознательного, которые вроде бы и входят в структуру личности, но в то же время «более похожи на атмосферу, в которой мы живем, чем на что-то, что находится внутри нас. Это просто неизвестное качество мира» [13, с. 302]. Вторичным выражением таких моделей становятся символы и, соответственно, мифология, поэзия.

Но протоформа есть смыслоформа в своем внутреннем существовании. Для выражения протоформ символ уже недостаточен, он слишком телесен, в античном значении, иначе говоря, объективирован. Поэтому Бердяев не символист, он непонятен с позиций символизма и «неприятен» для самих символистов. Бердяев говорит о разру-

шении символизма. Символы для него важны своей внутренней энергичностью и только. Но это уже не символическое истолкование символов, а особого рода мистическое их истолкование. Именно протоформичность — непосредственная основа философствования Бердяева, а не символизм, не образность, это и отличает его от достаточно близких ему мыслителей.

Все философствование Бердяева — это попытка раскрытия человека как смыслопорождающего существа. Бердяев провозглашает, что человеческое богоподобие заключается в смыслотворчестве как свободной потенции, дарованной Богом человеку в момент сотворения и обусловленной особенностями этого сотворения: в смыслотворчестве «изнутри». По сути дела, такое смыслотворчество «изнутри» и в русской, и в западной философской традиции зачастую понимается (ощущается) как бессмысленное. «Изнутри» редуцируется на уровень физиологический и чувственный. Когда же речь идет об отстаивании того положения, что человеческая жизнь осмысленна (или может быть осмысленна), то смыслоформы помещаются вовне — в Божественный разум, царство идей, мир и его структуры, ноосферу, коллективное бессознательное, язык, который говорит, и т. д. В большинстве философских концепций и смысл, и бессмысленность человеческого существования рассматриваются в его (человека) соотнесенности с внешним. Бердяев же утверждает, что и мир, и Бог духовно внутренне человеку, точнее говоря, духовно все внутренне друг другу. Поэтому творить можно только изнутри самого себя, осознав свою соборность и опираясь на протоформическую динамику личностной когнитивности. Это и есть истинное смыслопорождение. Иначе говоря, как у Хайдеггера язык есть дом бытия, так у Бердяева человек в своем духе есть дом всего бытийного смысла.

Не менее важно также отметить, что Бердяев, на наш взгляд, как и Хайдеггер, темпераментно, темпорально как бы совпадает со своей эпохой, попадая в резонанс с ее радикально-революционистскими настроениями. Это приводит к заострению двух важнейших аспектов его философствования — личностной «укорененности», растворению своего жизненного мира в собственных мировоззренческих интуициях и гностическому характеру религиозно-философского поиска.

Гностицизм мыслителя можно отследить и в его концепции Безосновного, отношении к миру, познавательным практикам, и в идее философского избранничества людей духа. (Более подробно гностические аспекты творчества Бердяева рассмотрены нами в работе [8].) Диалог человека с Богом, ответ человека Богу понимается как любовное дерз-

новение, предполагающее борьбу со всем тем в мире и в себе, что препятствует самой возможности такого дерзновения. При этом Бердяев действительно глубоко религиозен в смысле осознания личностной ответственности перед Богом. В нем нет мироотрицания ради мироотрицания, ухода от мира (как некой отстраненности, пассивной деструкции), экзальтированного пафоса смерти. Но ответ Богу — это, прежде всего, «наглость» взять на себя инициативу ответствования. А творчество и есть таковая «наглость», а потому реализуемо через превосмогающее отрицание христианского смирения.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

— психологической основой смыслотворчества Бердяева выступает особая эмоциональная и психокогнитивная организация личности мыслителя, резонирующая с психотемпоральными характеристиками современной ему эпохи;

— в качестве смысловой основы концептуализации творчества нами выявлена протоформичность мышления Бердяева, в свою очередь, задающая особую векторность смыслопорождающей активности и результирующая в своеобразной ритмической структурности его текстуальности;

— в идейно-мировоззренческой направленности философских поисков Бердяева можно выделить православно-мистические, романтические и гностические аспекты, а также попытки мыслителя привести их к противоречиво-динамической целостности через духовно-личностное преобразование.

Список цитированных источников

1. *Бердяев, Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев; сост., предисл., подг. текстов, коммент. А. В. Вадимовна. — М., 1991.
2. *Жданов, Д. А.* Возникновение абстрактного мышления / Д. А. Жданов. — Харьков, 1969.
3. Из записных книжек. (Бердяев о себе) // *Философ свободного духа (Николай Бердяев: жизнь и творчество)* / Н. К. Дмитриева, А. П. Моисеева. — М., 1993. — С. 265–268.

4. *Кувакин, В. А.* Религиозная философия в России: Начало XX века / В. А. Кувакин. — М., 1980.

5. *Мамардашвили, М. К.* Кантовские вариации / М. К. Мамардашвили // *Квинтэссенция: филос. альманах* / под ред. В. И. Мудрагея; сост. О. Ю. Бойцова, Л. И. Греков, Д. А. Замилов. — М., 1992. — С. 120–157.

6. *Титаренко, С. А.* До питання про осягнення унікальності феномена спадщини Миколи Бердяєва / С. А. Титаренко // *Вісник Державної академії керівних кадрів культури і мистецтв: наук. журн.* — 2007. — № 2. — С. 23–28.

7. *Титаренко, С. А.* Концепція протоформ мышлення Д. А. Жданова і смислотворчість Н. Бердяєва / С. А. Ти-таренко // *Філософські дослідження: збірка наукових праць Східноукраїнського державного ун-ту.* — 2004. — Вип. 5. — С. 93–102.

8. *Титаренко, С. А. Н.* Бердяєв: между гностицизмом и христианством / С. А. Титаренко // *Практична філософія.* — 2003. — № 4. — С. 136–145.

9. *Титаренко, С. А.* Пневматерапія Бердяєва як спо-соб реалізації езотеризма / С. А. Титаренко // *Практична філософія.* — 2005. — № 1. — С. 104–112.

10. *Титаренко, С. А.* Психологічні особливості особистості Бердяєва і істини його світогляду / С. А. Титаренко // *Вісник національного технічного ун-ту України : Київський політехнічний інститут. Сер. Філософія. Психологія. Педагогіка.* — 2006. — № 2 (17). — С. 41–45.

11. *Титаренко, С. А.* Специфіка смислотворчість Бердяєва як пропедевтика його розуміння в формах західного мислення / С. А. Титаренко // *Україна в євроатлантичному контексті* / Луган. нац. пед. ун-т. — Луганск, 2004. — С. 175–189.

12. *Титаренко, С. А.* Языковая личность Бердяева / С. А. Титаренко // *Науковий часопис Національного педагогічного університету імені М. П. Драгоманова. Сер. 7.* — 2006. — Вип. 8 (21). — С. 98–105.

13. *Фейдимен, Дж.* Личность и личностный рост / Дж. Фейдимен, Р. Фрейгер // *Методы эффективной психокоррекции: хрестоматия* / сост. К. В. Сельчанок. — Минск, 1999. — С. 298–338.

14. *Murdoch, P. C.* Der Sakramentalphilosophische Aspekt im Denken Nicolaj Aleksandrovitsch Berdjajevs / P. Champ-bell Murdoch. — Erlangen, 1981.

15. *Nucho, F. N.* Berdyaev's philosophy: The existential paradox of freedom and necessity / Nucho F. N. — New York, 1967.

Дата поступления в редакцию: 10.04.2011 г.